

И.Г.Яковенко

Крещение Руси – ретроспектива и культурные смыслы.

Размышления и замечания.

Доклад академика А.Н.Сахарова посвящен конкретной проблеме – борьбе Киева за церковно-политический суверенитет в контексте крещения Руси.

Работа подкупает солидной основательностью: взвешенная и спокойная интонация, погруженность в источники, убедительные интерпретации. Читатели, профессионально вовлеченные в проблематику истории, оценят многие формулировки, нюансы, акценты, расставленные в докладе. Почувствуют и контекст современности, ибо речь идет о докладе, представляющем академическое историческое знание современной России в Киеве 2013 года во всем богатстве идейно-политических и культурных коллизий России и Украины.

Картина которая открывается читателю не вызывает возражений. Общие выводы: борьба за наращивание церковно-политического суверенитета, в контексте ситуации конца X – начала XI веков, балансирование в более или менее едином (до 1054 г.) христианском мире не вызывает возражений. Более того, разворачиваемая автором панорама событий и процессов несет в себе экуменический пафос, отсылая нас к эпохе до разделения церквей, эксплицирует формы диалога и соотношений конкретной поместной церкви в рамках единой христианской Ойкумены.

Отправной точкой настоящих размышлений стало следующие соображение – в рамках сборника докладов (Международная научная конференция. "Владимир Святой и Крещение Руси". Киев. 26-27 июля 2013 г.) адресованных к профессиональному сообществу, этот текст воспринимается не так, как самостоятельно представленная работа, адресованная общегуманитарной аудитории.

Мы говорим о неизбежной аберрацией восприятия исторического события заданной, во-первых, историческими последствиями данного события, и, во-вторых, соотношением автора и аудитории, к которой обращен текст, с этими последствиями, мерой вовлеченности читателя в поток истории, вытекающий из событий, составляющих предмет повествования. Между тем, для формирования объективной исторической перспективы полезно отдавать

себе отчет в том, как осознавались эти процессы в описываемую эпоху, как их понимали и переживали субъекты действия и их современники.

Доклад А.Н.Сахарова допускает несколько прочтений, в том числе и как описание крещения Руси из пространства Третьего Рима. При таком позиционировании подключаются стереотипы восприятия идеологически значимых текстов, воспитанные веками православного царства и семьюдесятью годами советского периода, когда пресловутый «залп Авроры» возвещал конец «Ветхого Адама» и наступление новой эры. Речь идет об интонации нормативной модели истории. По нашему убеждению, нормативная модель исторического процесса во все времена позиционируется между идеологией и собственно историческим знанием. От эпохи к эпохе изменяются соотношения этих компонент. Как нам представляется, в идеале историческое исследование стремится к элиминированию идеологического аспекта. И притом, что достижимость такого идеала является предметом дискуссии, он находится перед внутренним взором исследователя.

Для верующего христианина цепь событий, изложенных в Символе веры от Рождества Христова до Вознесения, – свершение космического масштаба, радикально изменившее судьбы и смысл существования человечества. Однако, экспозиция этой истории в обозначенной перспективе помещает изложение в пространство апологетики. Если же к данной теме обращается историк-христианин, естественно ожидать от него выявления потенциальной значимости новозаветных позиций и процесса исторической актуализации этой потенции.

Оговорившись, что совокупность новозаветных событий и их интерпретация составляют предмет веры, в безусловно корректном исследовании можно представить панораму событий исторического разворачивания христианства. В таком исследовании, религиозное движение, возникшее в начале первого века в одной из окраинных провинций Римской империи в контексте множества альтернативных верований и идейных течений, медленно, но неотвратимо проникает в Рим, побеждает силы, воплощавшие историческую инерцию, и альтернативные модели идейного синтеза, овладевает политической элитой страны и разворачивается в доминирующую христианскую церковь; что было в четвертом веке зафиксировано императором Константином Великим. С этого момента христианство выступает в качестве фактора всемирно-исторического процесса.

Если отрешиться от телеологической аберрации и посмотреть на описываемые А.Н.Сахаровым события глазами современников, масштаб происходящего и оценки будут разительно отличаться от диспозиции исторически последующих этапов. Крещение Руси было рядовым эпизодом продвижения христианства на глубокой окраине Ойкумены. К концу первого тысячелетия процессы вовлечения народов в поток истории приблизился к восточным границам Европы.¹

К 988 году один из варварских народов окраины создавший раннее государство, экономика которого базировалась на транзитной торговле, подошел к той стадии вовлечения в контакты с цивилизованным миром, когда местная элита дозрела до принятия одной из мировых религий. Как подчеркивает академик Сахаров, выбор веры был абсолютно свободным. Задавался он суммой геополитических обстоятельств – географическим расположением столицы, экономическими связями, мерой вовлеченности в политические и культурные контакты с византийским миром. Мне приходилось писать о том, что выбор Русью православия был за сто лет до этого события задан князем Олегом, переместившим в 882 году столицу государства из Новгорода в Киев. Центрирование государства руссов на средиземноморском регионе стратегически обрекало его на выбор православия. Народы же, тяготеющие к Балтике, с необходимостью попадали в поле христианизации католической церковью.

Стоит обратить внимание читателя и на региональную вовлеченность отечественных историков событием крещения Руси. Ислам проникает в Малайзию в XIII веке и с точки зрения малайцев это – одно из ключевых событий в истории страны.² Однако в рамках истории ислама как мировой религии, исламизация Малайи – один из эпизодов продвижения данной религии в регионе Юго-Восточной Азии.

Ровно то же можно сказать и о крещении Руси. Первые века после крещения, Русь составляла одну из окраинных провинций православной Ойкумены. Для того чтобы осознать в какой глуши, с точки зрения средневекового мировидения, работали здесь первые поколения христианских идеологов, достаточно вспомнить предание об Андрее Первозванном на Руси, которое в начале XII века вносится в «Повесть

¹ Напомним, вслед за Полибием и Страбоном, и вплоть до Татищева (1720 г.) восточная граница Европы проходила по реке Дон.

² Мусульмане составляют более 60% населения страны.

временных лет» по приказу Владимира Мономаха. Трогательное порождение благочестивой фантазии, относительно путешествия апостола Андрея из Крыма в Рим через Ладогу, позволило вставить эпизод с ночлегом на холмах, где впоследствии был построен Киев и предсказание о «воссиянии благодати Божией» над этими благословенными местами. Эта легенда снимает с новокрещенной страны статус внешнего, лишённого благодати пространства и, через апелляцию к эпохе священной истории, включает Киевскую Русь в пространство сакральной географии христианского мира.

Ситуация начинает изменяться в XIV-XV веках. Процессы иссякания и съезживания Византии разворачивается параллельно возвышению Московии. К XVII веку население наследников Киевской Руси оказывается самым мощным в численном отношении регионом, в котором православие является государственной религией. Соответственно этому к XVII веку изменяется статус предстоятеля русской церкви. Не слишком склонные к этому патриархи православного Востока вынуждено санкционировали установление в Москве патриархата (1590 г). Таким образом, в контексте гибели Византии и возвышения Московии, крещение Руси становится одним из ключевых событий в истории православия. На Северо-Востоке православного мира реализуется средневековая идея *Translatio Imperii*.

Борьба политической элиты варварского государства за церковно-политический суверенитет в контексте крещения естественна и ожидаема. В этой связи было бы интересным поставить Русь в ряд других народов, крещенных Константинополем в рассматриваемую эпоху. Такое сопоставление, во-первых, позволит увидеть универсальное и специфическое и, во-вторых, поможет отойти от маниакальной сосредоточенности на собственной истории, переживаемой как цепь уникальных и сверхзначимых событий.

Мы обнаружим, что около 868 года состоялось крещение чешского князя. Однако впоследствии Моравия закрепляется в сфере влияния Римской церкви. К 60-м годам девятого века относится крещение болгарского царя Бориса I. Борис стремился создать в своей стране автокефальную церковь. Не получив автокефалию от Константинополя, обратился в Рим с просьбой прислать епископов. Балансируя между Римом и Константинополем, политическая элита Болгарии утверждала церковно-политический суверенитет. Заметим, что, крещенная в середине X века в Константинополе, княгиня Ольга также обращалась в Рим с просьбой о присылки епископов и священников. В 961 году в Киев прибыл немецкий епископ Адальберт, однако эта комбинация не сложилась.³

³ Обращаясь к данному эпизоду, советские историки видели проблему в иерархическом статусе административно-территориальной единицы христианской церкви – епископия или метрополия. В раннем средневековье статус суверена задавался статусом архиерея.

Сербы крестились в 869 по просьбе князя Мунтимира и получили из Константинополя архиепископа. Хорваты оказались разделены между франками и Византией. Крещение Румынии в православие произошло в IX веке, когда Румыния находилась во власти Болгарии.

Заметим, что к цели достижения церковно-политического суверенитета энергично, хотя и с переменным успехом двигалась Болгария. При этом использовались как аргументы военной силы, так и балансирование между Римом и Константинополем. Так, основатель Второго Болгарского царства (1186 г.) Калоян - «ромеебойца» не только с боями очищал от греков свою страну, но пошел на соглашение с папой Иннокентием III, который под церковную унию между Римом и Болгарией венчал Калояна на царство. В результате Болгарская патриархия стал независимой от Константинополя, но при этом болгары остались православными.

Все это – элементарные данные справочного характера. Если погрузиться глубже, можно обнаружить много интересного. Как представляется, компаративное исследование такого рода востребовано нашей эпохой.

Заметим, что балансирование между Римом и Константинополем – практически универсальная тенденция церковно-политической истории ранних государств, вовлекаемых в христианский мир и лежащих в пространстве между Востоком и Западом христианской Ойкумены. В истории наследников Киевской Руси ключевой эпизод позиционирования между Востоком и Западом падает на сороковые - пятидесятые годы XIII века. На этот раз Восток был представлен Золотой Ордой. Ситуация цивилизационно-идеологической конкуренции между католичеством и православием воспроизводится на фоне татаро-монгольского завоевания большей части Руси. Символическими фигурами исторического выбора выступают князья Даниил Романович Галицкий и Александр Ярославич Невский. В более широком смысле надо говорить о политических элитах Галицко-Волынского княжества и Северо-восточной Руси – будущей Московии.

По инициативе Рима, Александр Невский ведет переговоры с папскими легатами, о подчинении римскому престолу в обмен на выход из под ордынской зависимости, но – обсудив с боярами – отвергает это предложение. Что же касается Галицко-Волынского князя (в украинской историографии короля) Даниила Романовича Галицкого, плотно включенного в европейскую политическую и династическую реальность, то для него выбор между Ордой и Европой решается в пользу Европы. Даниил Романович энергично ищет возможность освободиться от ордынской зависимости. Князь принимает предложение римского папы Иннокентия IV королевской короны и организации крестового похода против Орды. В 1254 Даниил был коронован в Дрогичине, что же касается крестового похода и воссоединения церквей, то этого не произошло.

Комментируя описанные события, идеологически ангажированные авторы, указывают на бесплодность стратегии Даниила Романовича. Между

тем, выбор Галицкого князя носил сугубо стратегический характер, и об этом свидетельствует история. Непредубежденный наблюдатель должен признать – европейская идентичность органична для населения этого, давно исчезнувшего княжества. Нельзя сказать, что Даниил Романович создавал некоторый тренд. Европейская ориентация Галицко-Волынского княжества задавалась объективными обстоятельствами и вытекала из логики исторических событий. В XIV веке княжество распалось, но его земли вошли в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского. И далее, меняя время от времени суверенов, названные земли оставались частью окраины Европы, а местное население осознавало себя именно в этом качестве.

Нечто похожее произошло VII-VIII веках с Хорватией. Часть хорватских княжеств признала власть Византии, а другая – власть франков. Пространственно разнесенные наследники Киевской Руси также тендировали к разным полюсам и это расхождение прочерчивало границу между собственно Европой и Евразией.

Доклад академика Сахарова будит мысль заинтересованного читателя, побуждая задуматься о многогранном процессе цивилизационного самоопределения, вытекавшего из ключевого события нашей общей истории – крещения Руси. В этом – одно из достоинств обсуждаемой нами работы.

Формирование легенды об Андрее Первозванном проходило в русле интересов большой церковной политики

В глазах Константинополя Киевская митрополия воспринималась примерно также, как мы воспринимаем Сарайскую епархию, учрежденная в Сарае для христианского населения ордынской империи в 1261 г. Киевский митрополит назначил первым ее епископом Митрофана.

. Престиж древнейших центров Христианства был связан с их рангом «Апостольских церквей», т. е. Церквей, основанных самими апостолами (Рим – кафедра ап. Петра, Александрия – кафедра ап. Марка, и т. д.). Когда же портовый городок Византий, не имевший подобной истории, стал Новым Римом (Константинополем), столицей Римской империи (330 г.) и центром Восточного Христианства (позднее – Православия), спорившим за первенство с «католическим» Первым Римом, то для утверждения авторитета ему понадобилась аналогичная история. (Дело в том, что Константинопольских патриархов считали «выскачками», обязанными своим возвышением лишь имперской политике, не только в Риме, но и на Востоке, особенно в Александрии Египетской, бывшей сначала второй по чести кафедрой в христианском мире.) Поэтому возникло сказание о пребывании Андрея Первозванного в позднейшем Константинополе и посвящении им первого епископа этого города Стахия, «апостола от Семидесяти».

Когда же в зону византийского Православия вошла Русь (позднее ставшая главной православной державой), возникла необходимость отождествить «скифов», которым проповедовал Андрей Первозванный, со славянами. Поэтому в «Повесть временных лет» была внесена киевская «Легенда об Андрее», заставившая его пройти по территории будущей Руси, благословить пустынный днепровский берег, водрузив на нем крест, и предсказать возникновение Киева.